

В. Б. Ельяшевич.

Архимандрит Константин

ПАМЯТИ ВАСИЛИЯ БОРИСОВИЧА ЕЛЪЯШЕВИЧА

Служил я панихиду, когда дошла до меня весть о кончине Василия Борисовича. Поминаю его с любовью неотменно. Но и на мысль мне не приходило отозваться о нем печатно: общались мы с ним в плоскости, далекой от всецелого содержания моей теперешней жизни. Да и давно это было, в другом воплощении, а с тех пор не возникало у нас связи. И даже научных трудов его последних, несмотря на то, что они по теме совпадали с моими былыми работами, я не читал и даже в руках не держал... Но получив неожиданное предложение поделиться со своими однокашниками по Институту мыслями о нашем учителе и друге старшем, я не считал возможным уклониться от этого — и вот то немалое, что хочется сказать у его еще свежей могилы.

Духовная утонченность была основной чертой личности В. Б. Отсюда его удивительная способность подходить к людям и вещам — к миру. Ничего не могу представить более разительного, чем его практические занятия по гражданскому праву. Казалось бы, сухой предмет и холодные темы: разбор «казусов». Но это была сама жизнь, которая сияла в этом сухом и холодном обрамлении. А можно ли увидеть жизнь, подлинную, если быть человеком духовно-грубым? Отсюда и его объективность. Помню его рассказ об его участии в работах одного важного Особого Совещания, в эпоху, непосредственно примыкающую к 1905—1906 гг. Были приглашены три эксперта: Петражицкий, В. Б. и еще не помню кто. Со свойственным ему сдержанным юмором и с каким-то искрящимся удовольствием, как после исключительного эстетического удовлетворения, он рассказывал о том буквально «шоке», который он испытал среди «бюрократов» старого ре-

жима. Особенно сильное впечатление произвел на него, насколько помню, Стишинский: В. Б. ощутил себя «учеником» пред осведомленностью, умудренностью, опытом, умом, профессиональной качественностью этого поседелого «дьяка» наших имперских приказов. Но это было лишь особенно яркое обнаружение общего высокого уровня нашей бюрократии, которая с тех пор нашла в В. Б. справедливого судью. Можно ли обладать подобной широтой, не обладая глубиной, не имея внутреннего кругозора, который дается только духовной одаренностью, пусть не распознанной и направленной по другим руслам? Отсюда и особый облик В. Б. как ученого. Что-то от поэта было в нем, что позволяло ему отливать свои исследования не просто в чеканные формы, облеченные в историческую плоть. Для этого надо было обладать особым даром — тем даром, о котором любил говорить наш общий незабвенный друг, Петр Бернгардович Струве, а именно «живым видением действительности». Можно ли вообразить этот великий дар в человеке духовно ограниченном? . .

Не только условия жизни нашего времени, но и свойства натуры В. Б. не дали ему стать всецело ученым, делящим время между кабинетом и кафедрой. Он был увлечен и практическими делами, и тут обнаружил исключительные дарования. Но это уклонение никогда не принимало характера снижения, и близкого и далекого. Он оставался верен себе, как служителю высоких ценностей. А эта уверенность, никогда не превращавшаяся в самоуверенность, разве могла бы она иметь место, не будь в нем элементов духовности? И личное общение с ним было привлекательно, отрадно и назидательно именно потому, что не просто физически охватывали вас его пронзительно-мягкие глаза, но и глубже смотрели. И общение с ним приобретало при этом не только интимный характер, что свидетельствовало о доброй душевности В. Б., а и зарождало глубокую внутреннюю связь, в которой несомненно была и духовная окраска. Потому и самое воспоминание о В. Б. радостно и светло.

Нельзя представить ничего пошлого рядом с В. Б. — такого высокого калибра был «тонос» его существования. Не последнюю роль тут сыграла и его болезненность, постоянно обзывавшая его помнить о заботе медицинской, требуемой его организмом. Но ни мнительности, ни стеснительности, ни подавленности, ни перегрузки внимания к себе не было: неудобства немощи были несомы в точную меру, и это никак не оземляло его облик, а напротив того, утончало его «внутреннего человека» — разве и это не яркое свидетельство духовной помазанности его натуры?

В. Б. выпало жить в эпоху блистательного расцвета русской культуры — и он был одним из лучших ее произрастаний. Сумел он оказаться на уровне и тех исключительных требований, которые предъявила Революция этому отбору. Не приняв ее, он оказался за рубежом. Не знаю и не слышал, чтобы В. Б. когда либо погрешил против того высокого нравственного уровня, на котором держался в условиях «нормальных» русской жизни. Печать «барства» лежала на его поведении неизменно — и это опять приводит все к тому же ключу: началу духовному.

Оно, в конечном счете, получило выражение и церковное — в тех формах, которые не отрывали В. Б. от привычной ему среды. Это я знаю только по наслышке — но это так понятно, это так вяжется с тем образом В. Б., который, пусть и под совсем иными точками зрения, возникал передо мною на разных поворотах моей былой жизни. И если я сейчас с такой охотой откликнулся на призыв моих товарищей по Институту, то именно потому, что при расхождении наших путей и при столь долголетнем разобщении живая связь все же сохранялась с ушедшим от нас общим учителем и другом. Я рад, что внешний повод побудил меня остановить свой внутренний взор на его духовно-изящной фигуре, свою духовную установку именно в том обнаружившей, что сумел и тут В. Б. избежать всякой манерности. Да простит Господь грехи его, в которых он делил судьбу своего века, и успокоит его в селениях праведных, по праведному суду Своему, ин-

дивидуально неповторимому, точно отвечающему всей совокупности обстоятельств, которыми определен жизненный путь человека, да и самое возникновение его, как волящей личности. Если молитва по исходе души выражает уверенность в спасении людей, которые «аще и согрешили, но не отступили», то кольми паче эта уверенность может быть высказана в отношении человека, который талант духа принес Богу, обратившись к Церкви и тем увенчав свой путь себе во спасение. «Грядущего ко Мне не изжену вон», сказал Господь.
